

АМИНА
АСХАДОВА

роман
любви
современный

РАЗВОД

Верни тебя, любимая
С ПРОКУРОРОМ

Амина Асхадова

Развод с прокурором. Верну тебя, любимая

<https://litres.ru/72937702>

SelfPub; 2025

Аннотация

— Я — та, кого любит твой муж. И у нас с ним растет сын.

У нас с мужем была годовщина. Пятнадцать лет брака.

А в качестве подарка я узнаю это:

— Ты родила ему только дочь, но Алан всегда мечтал о сыне. Это то, чего ты так и не смогла ему дать, — добавляет она с томной улыбкой.

Мое сердце разрывается.

Я видела их сына своими глазами, но слышать из ее уст... это как второй удар, добивающий окончательно.

— Сейчас тебе нужно просто отойти в сторону. И не мешать настоящей, любящей семье воссоединиться, понимаешь?

— Это правда? У тебя есть сын от другой женщины? — спрашиваю и смотрю на мужа.

— Да.

— Ты вообще когда-нибудь любил меня? Или только ее?

Муж застывает, но правда оказывается куда большее и неожиданнее...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Амина Асхадова

Развод с прокурором. Верну тебя, любимая

Глава 1

Аля

– У тебя снова бессонная ночь? – спрашивает муж.

Я отрываюсь от чашки и киваю.

Алан готовит сумку и собирается принять душ перед дальней дорогой в командировку.

– Ты же знаешь, перед твоими командировками я переживаю и не сплю.

– Аля, командировки – это часть моей жизни. К тому же, у меня намечается крупное дело. Я не могу отказаться, сама понимаешь. Громкое имя, связки с финансовым отделом, губернатор лично просил.

– Конечно, – говорю я, допивая кофе. – Ты ведь лучший прокурор в городе.

Он кивает и сухо произносит:

– Рад, что ты всегда все понимаешь.

Понимаю.

И именно поэтому решаю, что сегодня именно тот день,

когда я должна узнать правду, которую он от меня скрывает.

А в том, что он что-то скрывает – я уверена.

Я это чувствую. Женщины ведь всегда это чувствуют, правда?

Мы женаты пятнадцать лет, но именно в последний год у моего мужа участились командировки, из которых он приезжает совершенно чужим. Не моим мужем, которого я знала.

У нас взрослая дочь, уехавшая на лето к бабушке и дедушке. Я рада, что мне удалось отправить ее отдохнуть, и теперь у меня есть время разобраться, что происходит между мной и моим мужем – Аланом Валиевым. Не уверена, что выдержала бы ее взгляд, если бы она узнала, что мама не доверяет папе и поэтому решает проверить, куда именно он едет...

Но я чувствую, что так нужно.

Сидеть сложа руки – не мой конек.

Пока Алан моется в душе перед дорогой, я молча подхожу к его сумке. Он всегда складывает свои вещи и документы сам. Щелкаю молнию и нахожу внутри маленький отдел с документами.

Билеты.

Ночной поезд.

В тот город, который он называл.

Действительно туда, где идет громкое дело.

Но в его сумке нет никаких документов о бронировании отеля или апартаментов, в которых он будет жить. Сложив два плюс два, я понимаю, что в том городе его ждут...

Я кладу все обратно. Ровно. По швам. В этот момент Алан выходит из ванной, вытирая волосы и ни о чем не подозревая.

— Ты точно не успеешь приехать к выходным? — спрашиваю. — У нас годовщина свадьбы. Пятнадцать лет.

— Я помню, Аля, — вздыхает муж. — Мне жаль, что в этом году все складывается иначе. Обещаю, что в следующем году мы все наверстаем. В этот день тебя будет ждать подарок.

Я киваю, а Алан надевает свой костюм прокурора, подбирает сумку и крепко целует меня. Я слышу, как хлопает дверь.

Через пятнадцать минут я уже вызываю такси.

Пальцы дрожат, когда я набираю адрес вокзала.

Не понимаю, зачем я это делаю, но знаю, что не остановлюсь.

Если он врет — я должна знать.

И если правда убьет меня — пусть это случится сейчас, пока я еще способна встать с колен.

...Я приезжаю на вокзал за тридцать минут до отправления. На перроне пыль, духота, сигналы. Жаркий август, вечер, гудки вокзала рвут тишину, как внутреннюю плотину — во мне.

Особенно — когда я понимаю, что Алан отправляется на другой путь, следующий в совершенно другой город. Не в тот, что был указан в его билетах.

Я стою и наблюдаю, как он идет к поезду, который следует

совсем в противоположную сторону, и мое сердце летит в пропасть.

Он солгал.

И документы в его сумке были ненастоящие, словно он подозревал, что я могу проверить. Конечно, он ведь прокурор.

Я стою в очереди к кассе, а у самой внутри дрожат пальцы. Еще час назад я просто сидела в кухне и не собиралась делать ничего из ряда вон выходящее, а теперь – планирую купить билет на тот же поезд, что и у него.

Зачем он солгал мне? За что?

– Один билет, пожалуйста, – говорю, когда подходит моя очередь, и называю город прибытия. – Еще есть места?

– Сегодня будний день и скоро начало школьного сезона, поэтому мест осталось много! Есть свободное купе, не желаете выкупить целиком? Сейчас с большой скидкой!

– Это то, что мне нужно.

Пальцы дрожат, когда я забираю билеты.

Одиннадцатый вагон.

По пути, едва поспевая, я вижу, как он – мой муж, отец моей дочери, прокурор с выправкой и броней в голосе – уже заходит в соседний, десятый.

Я поднимаюсь в вагон за минуту до отправления. Он – в десятом. Я – в одиннадцатом. Этого достаточно, чтобы оставаться невидимой. Чтобы наблюдать, не привлекая внимания.

Поезд трогается.

И начинается ночь.

В одиноком купе я сразу закрываюсь. Сегодня он в моем полном распоряжении – не уверена, что я готова слушать щебетания попутчиков, поэтому радуюсь выкупленному купе.

Устраиваюсь на нижней полке, даже не раздеваясь и...

Всю ночь не сплю. Лежу, глядя в окно, за которым меняются пейзажи и с большой скоростью пролетают фонари на станциях. Иногда прислушиваюсь – нет ли его голоса в коридоре. Иногда думаю, а не стоит ли мне зайти в соседний вагон и посмотреть в его глаза – прямо сейчас. И прямо сейчас задать все интересующие вопросы.

Но я не выхожу.

Половина меня хочет знать правду. Другая – боится.

Зачем ты едешь туда, Алан? К кому?

Мы вместе пятнадцать лет.

Я вспоминаю нашу дочь. Как хорошо, что она сейчас у моих родителей. Как хорошо, что ей не приходится видеть меня вот такой – сомневающейся, ранимой, слабой. Я всегда была для нее сильной. Как и для него.

Но в эту ночь я не сильная. Я – почти сломленная.

Я не сплю. Даже не дремлю. Только раз за ночь, почти под утро, мне кажется, что я слышу его голос в коридоре. Я замираю, затаив дыхание, как подросток, нарушивший правила.

Но все стихает.

На рассвете поезд тормозит. Скрип, покачивание. Я сижу

у окна, не дыша. Отодвигаю уголок занавески.

Алан выходит из вагона самым первым, будто спешит, и я провожаю его взглядом.

Строгий, уверенный. С таким видом, будто едет действительно на важную встречу.

Мне хочется в это верить, пока я не замечаю девушку, что идет ему навстречу.

Красивая.

Уверенная в себе.

Она подходит к моему мужу и обвивает его шею руками, а затем припадает губами к его щеке. Алан не отстраняет ее, позволяет себя поцеловать и даже... целует в ответ. В щеку, но все же.

Я думаю, что почти умираю, пока не замечаю еще одного человека, который идет Алану навстречу быстрым шагом, почти срываясь на бег.

Мальчик.

Он младше нашей дочери. Точно младше. Темноволосый, худой, очень похожий...

Слишком похожий на моего мужа. Подорвавшись, он обнимает Алана – крепко, как своего...

Как своего отца.

Они вдвоем смотрятся рядом так естественно, как будто давно знают друг друга.

Алан целует мальчика в макушку и по-отечески обнимает его за плечо.

Я слышу их голоса – они обсуждают, в какое кафе пойти на завтрак всей семьей.

А мне все становится ясно и без слов.

У моего мужа есть сын.

И я – ничего об этом не знала.

Я сжимаю губы и поправляю занавеску у окна, скрываясь за ней и как будто еще надеясь, что это просто сон.

Но это не сон.

Это даже не измена – это хуже. Ложь. Холодная, методичная и долгая. Он годами жил на две семьи и обманывал меня столько лет, в то время, как я была ему верна.

Даже больше – я никогда не лезла в его сумку и, тем более, не мониторила его телефон. Все пятнадцать лет я доверяла ему как самой себе, но сегодня мой иллюзорный мир, кажется, рухнул навсегда.

Я беру телефон в руки и решаю позвонить мужу – интересно, что он ответит мне?

– ...Я добрался и уже заселился в гостиницу, можешь не переживать, – слышу голос мужа, доносящийся из динамика.

Ответ Алана – четкий, выверенный и спокойный.

А мое сердце разбито.

Вот и все.

Вот и все.

– Рада за тебя, – выдавливаю искренне.

Я набрала ему почти сразу, как сошла с поезда, но так и не

смогла сказать ему, что я все знаю. Не смогла пересилить себя. Мне стыдно, что я проследила за ним, хотя стыдно должно быть явно не мне...

– Я скоро приеду, Аль. Скучаю по тебе, – говорит муж.

– Обо мне не переживай. Я найду, чем себя занять.

– Отлично, любимая. У меня много работы, отключаюсь. Люблю тебя.

Муж сбрасывает звонок, и наш короткий разговор обрывается.

Город, в котором у Алана вторая семья, оказывается для меня чужим. Не похожим на все, что я знаю, он больше провинциальный: с узкими улицами, побеленными фасадами, крошечными магазинами и густыми аллеями с каштанами. Все кажется слишком тихим, слишком аккуратным и незаметным.

У меня целый день в запасе, потому что обратный поезд отбывает только вечером. Я могла бы остаться на вокзале, но другая сторона во мне – желающая узнать все здесь и сейчас – борется во мне и заставляет двигаться дальше.

Я брожу вдоль улиц. По пути обхожу несколько кварталов, захожу в парк. Все кажется странным – будто чужое кино. Люди пьют кофе и никуда не торопятся, а у меня все пульсирует под кожей – в ушах, в висках. Образ того мальчика и то, как он смотрел на Алана, как ждал его прибытия – не выходит у меня из головы.

Он ждал отца.

Он любил своего отца.

Как ты мог, Алан?

Через полчаса я чувствую, как изматывающая бессонная ночь, жара, все это вместе выматывает меня. Я иду почти без сил, пока не вижу яркую вывеску той самой разрекламированной кофейни – ее реклама встречается на каждом углу. Баннеры, таблички, даже листовки на остановке. Я решаю, что это знак или хотя бы повод сесть.

Я заказываю кофе и первый попавшийся салат – чисто чтобы притупить чувство голода.

Сажусь у окна и молча смотрю на улицу. Мои пальцы холодные, а сердце ноет от переизбытка вопросов в голове.

Сколько лет ты скрывал это, Алан?

Сколько лет у тебя была другая жизнь, другая семья? У тебя взрослый сын – младше нашей дочери, а это значит, что ты изменил мне в браке.

Поверить не могу...

Где все это время были мои глаза?

Я не плачу. Я слишком устала – даже внутри что-то выгорело.

Я почти допиваю кофе, когда над дверью звенит колокольчик. Легкий звук – как плеть по нервам. Я поднимаю глаза почти машинально и замираю.

Что?

Боже...

Вот что значит маленький город – здесь даже кофейня од-

на на всех.

Мое сердце проваливается в бездну, когда я вижу Алана и... его вторую семью.

Алан заходит внутрь первым. Без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами и уже без вещей. Выглядит легко, почти по-домашнему. С ним рядом идет та самая женщина – чуть моложе меня, и между ними – мальчик. Он держит Алана за руку и в целом они выглядят как семья.

А я так... приложение к его жизни.

Я прижимаюсь к спинке стула, инстинктивно поворачиваюсь боком, чтобы хоть немного скрыться или попытаться раствориться в мебели, вот только ирония судьбы в том, что из свободных столиков здесь всего лишь один – и он рядом со мной.

Они садятся за стол прямо рядом. Почти вплотную. Через одно сиденье.

И я слышу каждое слово.

Боже, каждое.

И тогда я впервые слышу голос той девушки – сладко-нежный:

– Как хорошо, что мы все-таки заехали домой. Ты принял душ после дороги, теперь можно вкусно позавтракать, правда, дорогой?

Дорогой...

– Правда. Артем, заказывай все, что ты захочешь, – слышу теплый голос моего... мужа.

– Хорошо, пап.

Пап...

Пап!

Я вздрагиваю.

Почти резко, почти больно.

Удар ножом – и то не такой больной!

– Пап, а когда ты приедешь снова?

– Я постараюсь приезжать чаще, когда улажу некоторые вопросы, – отвечает Алан.

– Не дави на папу, Артем. Он большой человек, прокурор столицы, и он очень занят.

– Надя, для нашего сына я никогда не занят, – прерывает Алан.

Я не выдерживаю.

Сжимаю ладони в кулаки так, что ногти впиваются в кожу – почти до боли.

Надя. Ее зовут Надя.

Она говорит Алану что-то шепотом, я не различаю слов, но вижу, как он опускает ей руку на плечо и слегка улыбается. Ласково. Знакомо. Так, как улыбался только мне.

– Ты ведь меня не бросаешь? – слышу голос подростка.

За грохотом собственного сердца я слышу, как Алан говорит:

– Никогда.

Никогда.

– Сегодня мы все вместе поедem домой, – произносит На-

дя. – Я приготовила вкусный десерт для вас с папой на ужин.
Да, дорогой?

Глава 2

Я возвращаюсь домой на следующий день.

Возвращаюсь я на полном автопилоте, потому что на большее меня просто не хватает.

Я захожу в дом, снимаю обувь, бросаю сумку и закрываю дверь на все замки, затем отключаю телефон.

Алан не пишет и не звонит. В командировках он всегда был максимально сосредоточен на работе, и раньше меня это устраивало. Раньше, но не сейчас.

Ведь сейчас я более чем понимаю причину его занятости, и название этой причины – вторая семья.

Два дня я никуда не выхожу. Стараюсь пить воду, чтобы поддерживать водный баланс, но почти ничего не ем. Иногда включаю телефон, чтобы поговорить с дочкой, как сегодня.

– Как ты, милая?

– Все супер, мам, – слышу ее радостный голос. – Сегодня дедушка установил бассейн, и я не вылезала оттуда весь день, а потом бабушка напекла блинчиков...

Я улыбаюсь и еще раз убеждаюсь в том, что отправить дочь на лето к бабушке с дедушкой – была лучшая идея. Так я успею подготовить дочь к новости о разводе. Дине уже четырнадцать, уверена, она меня поймет, но пока я решаю ни о чем ей не говорить.

– Бабушка зовет на обед. Папе привет! Люблю тебя, мам!

– И я тебя, Ди.

Мы с Диной прощаемся, и еще некоторое время я лежу в тишине. Думаю о дочери и о себе – странно, но мне не хочется плакать. Боль выгорела. Остался только пепел.

На третий день звонит Адель – моя подруга с экономического университета. Веселая, шумная и прямолинейная.

– Аля! Ты вообще с ума сошла? У тебя телефон отключен три дня! Я уже собиралась выезжать к тебе!

– Привет, Адель.

– Ты забыла? Послезавтра встреча выпускников! Нам надо выглядеть лучше, чем все! Я уже записалась в салон на завтра, пошли со мной. Потом – шопинг. Снимем стресс.

Она не спрашивает, что со мной. Знает, что если нужно – расскажу, а если нет, то не стоит лезть, это и делает нашу дружбу крепкой.

– Хорошо, – говорю я. – Встретимся завтра после обеда.

Пока Адель болтает, я поднимаюсь. Смотрю в зеркало. Кожа бледная, волосы собраны в небрежный пучок, но глаза – ясные. В них больше нет паники. Только усталость и злость. Злость – за предательство, за ложь, за годы, которые я верила в то, чего, возможно, никогда не было.

Я надеваю рубашку и джинсы, делаю легкий макияж. Открываю телефон – тридцать два не прочитанных сообщения, и ни одного от него.

Плевать.

Я сажусь в машину и еду в свою кофейню.

Когда-то я открыла ее на спор. Алан не верил, что я справлюсь – «это не женское дело», «там же все сложно», но уже через полгода у нас была очередь из гостей. А через год – первая солидная прибыль. Сейчас у меня три смены, молодая управляющая и постоянные клиенты, которые заказывают капучино по имени.

В кофейне прохладно, пахнет корицей и карамелью. Я здороваюсь с бариста, подхожу к управляющей – у нее вопрос по поставке десертов, в меню какой-то сбой. Я все решаю быстро, четко. Люди слушаются меня. Уважают.

Я построила свое дело с нуля, сама, без чужой фамилии и протекции.

Это знание греет и держит на плаву. Особенно – сейчас.

Вечером я задерживаюсь на работе. Сажу в кабинете, пока не темнеет. Перебираю старые записи, корректирую планировки, заказываю новые чашки. Все – чтобы не думать об Алане, но к ночи я понимаю, что мои мысли все равно перетекают к нему.

Алана все нет. Ни звонка, ни сообщения. Как будто я – пустое место. Как будто он и не обещал любви, не растил со мной дочь. Как будто нас никогда и не было.

Я возвращаюсь домой поздно. Машина мягко въезжает во двор, фары освещают фасад. Тишина. Шторы опущены. Свет не горит.

Я сажусь на ступени и осматриваю ухоженную территорию, о которой мы вместе заботились.

Почему ты солгал мне, Алан?

Я смотрю на экран телефона, и мне приходит короткое напоминание о завтрашней встрече с подругой. Пропустить нельзя, ведь послезавтра – встреча выпускников.

И хочу я того или нет, но к этому дню я должна собрать себя по кусочкам.

Глава 3

– Я тебя с трудом узнала, – говорит Адель, вытягивая губы в легкой улыбке. – Ты в порядке, моя девочка?

На мне светло-серый тренч, очки, волосы уложены и распущены, но вид у меня, и правда, не очень.

Я измучено улыбаюсь и киваю головой:

– Поболтаем позже. Сперва хочу найти платье, пока я полна энтузиазма.

– Как скажешь, дорогая.

Мы идем по бутику. Консультанты улыбаются, здесь все, как всегда – музыка, зеркала в золоте, белые стены, запах дорогого парфюма. Жаль только, что внутри у меня пустота и горечь...

– Смотри, вот это – шик! – Адель подносит к себе короткое черное платье. – И спина открыта, и плечи! И ни один одноклассник после встречи со мной не уйдет спокойным...

Я смеюсь. Она говорит это с таким азартом, будто мы снова двадцатилетние девчонки. Это помогает. Очень.

Мы выбираем платье долго. Я беру платье цвета глубокого изумруда. Лаконичное, с акцентом на талию. Адель уходит в коктейльное серебро – «пусть ослепнут», как она говорит.

После примерок – кофе. Потом – ресторан на втором этаже торгового центра. Мы заказываем пасту и воду с лимоном. Адель болтает о косметологах, о новой работе, о муже

– ее третьем. Как будто чувствует, что мне нужно время, поэтому она заполняет его веселой болтовней.

Когда еда подходит к концу, я кладу вилку и смотрю в окно.

– Он мне солгал.

Адель замирает.

– Кто?

– Алан. Он сказал, что уехал на дело. Я нашла билеты, но они оказались фальшивыми. Я проследила и поехала за ним в другой город.

Губы Адель приоткрываются, а глаза распахиваются от шока по мере того, как я веду рассказ. Я рассказываю ей все – до последней капли. Даже говорю, как зовут его сына. Артем.

После моей речи наступает короткая пауза.

– Аля, черт... – шепчет подруга. – Ты уверена?

– Я видела их своими глазами. Он даже не пытался это скрыть. Все было так... естественно. Как будто он давно с ними. Это его вторая семья, Адель. Или первая – как знать...

Адель медленно тянется к моей руке. Сжимает.

– Я не знаю, что сказать. Ты держалась так спокойно, я бы ни за что не догадалась.

– Мне нужно держать лицо. Особенно – к его приезду.

– Боже, ты уверена, что ты все правильно поняла? Как иногда бывает, знаешь, от недосказанности наш мозг начинает придумывать и накручивать разные варианты. Я на тво-

ей стороне, но у меня так с первым мужем было...

– Алан называл его своим сыном. А мальчик звал его папой. Он от другой женщины.

Адель откидывается в кресле. Глядит в потолок, будто ищет там нужные слова.

– Значит, мой муж был прав. Он видел Алана с каким-то ребенком. Я тебе говорила, помнишь?

– Помню, это было год назад, – киваю, вдруг вспоминая те события. – Алан тогда сказал, что это его дальний племянник. Они пересеклись в городе, вот и все...

Пауза.

– Господи, какая же я дура, – стону я. – Еще год назад его видели с сыном, а я поверила в его ложь про племянника...

– Надо подавать на развод! – решительно заявляет Адель.
– У меня их было два! Там не страшно, Аль.

– Ага, – я криво улыбаюсь.

– Послушай... ты не одна. Я рядом. Всегда. Что бы ты ни решила – уйти, остаться, выговориться, выплакаться. Я – рядом.

– Спасибо, – шепчу я. – Мне правда это нужно.

– А Дина?

– Дочь пока ни о чем не знает.

Мы сидим еще немного в молчании, но оно уже не гнетущее. Тихое, почти теплое. Я чувствую, как внутри становится легче.

К вечеру мы с Адель едем ко мне домой – отмечаем мой

грядущий развод, до утра поем песни, а потом вместе горько плачем.

На следующий день я вспоминаю о годовщине свадьбы, когда рано утром в дверь стучит курьер и вручает мне большой букет и коробочку с золотым браслетом. Алан сдержал обещание сделать памятный подарок, но не учел того, что один памятный подарок он уже сделал. Его сын стал для меня таковым.

Ну а мой подарок только готовится, а именно – заявление о разводе.

Глава 4

Шумный зал ресторана переливается огнями – свечи на столах, мягкий свет люстр под потолком, а на входе пахнет свежими цветами и духами.

– Ну что, мы готовы? – шепчет Адель, поправляя серебряное платье, в котором она сияет, как никто больше из пришедших.

Я киваю. Мое платье – глубокого изумрудного оттенка, струящееся и подчеркивающее фигуру. В нем я чувствую себя собранной и в то же время слегка раскованной. То, что нужно женщине перед разводом – почувствовать себя слегка раскованной, слегка сумасшедшей, слегка особенной.

Мы входим в зал ресторана последними.

Здесь слышны возгласы, смех, тосты. Кто-то оборачивается, машет рукой, и я замечаю знакомые лица, те, что со временем стали мягче, полнее или, наоборот, резче. Годы не пощадили многих, но все улыбаются одинаково широко – как будто вернулись в прошлое, на пятнадцать лет назад, в наш выпускной.

– Адель! Аля! – к нам спешит Лейла, бывшая староста. Она теперь пышная, с короткой стрижкой, в ярко-синем платье. – Господи, какие вы красавицы! Ничуть не изменились!

Я улыбаюсь, принимая ее объятия, пока вокруг слышатся комплименты. Кто-то шепчет: «Посмотри, как они выгля-

дят...» Женские взгляды скользят по нам с завистью, мужские – с интересом. Адель ловит это и откровенно наслаждается. Я же держу дистанцию, позволяя улыбке быть мягкой, но не слишком открытой.

Мы идем к столу. Атмосфера почти беззаботная – напитки, легкая музыка, разговоры вперебой. Я слышу фрагменты фраз: «помнишь, как на выпускном...», «я тогда и подумать не мог, что стану директором»...

Адель шутит, смеется, сразу собирает внимание на себе. Она всегда умела это. Я же держусь спокойнее, хотя чувствую, что на нас все равно смотрят.

Я отодвигаю стул и усаживаюсь, а когда поднимаю взгляд – время словно останавливается.

Напротив меня сидит мужчина. Высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица, которые время только подчеркнуло. Виски слишком рано тронуты сединой, взгляд – прямой, цепкий. Он тоже меня видит.

Тимур.

Первая любовь. Тот, кто однажды держал меня за руку под школьными липами и клялся, что не отпустит никогда. Тот, кого я потом отпустила сама – слишком рано, слишком резко.

Наши глаза встречаются, и весь зал растворяется. Смех, звон бокалов, музыка – все уходит на второй план. Есть только он и я. Его взгляд, будто тянущий к себе, мой – не в силах оторваться.

Я чувствую, как сердце стучит быстрее. Я не знаю, улыбается ли он мне или кому-то другому. Не знаю, что отражаю я сама. Но это столкновение взглядов – как удар.

Мы все еще смотрим друг на друга, как будто и не было тех пятнадцати лет. Как будто мы снова те самые подростки, которые впервые целовались в тени школьного двора.

Первым нарушает тишину Тимур:

– Здравствуй, Аля.

Голос низкий, чуть хриплый. Не чужой. Слишком знакомый. Я ловлю себя на том, что сердце срывается с ритма.

– Привет, Тимур... – выдыхаю. Слова слетают с губ едва слышно, и я сама удивляюсь, что смогла их произнести.

Тимур чуть улыбается. В его улыбке нет легкости, есть осторожность, почти недоверие, будто он и сам не верит, что я перед ним.

– Ты ничуть не изменилась.

С его губ это не звучит как банальный комплимент. В его глазах нет игры, он смотрит так, словно вглядывается в каждую черту моего лица, сверяя с той памятью, что он носил все эти годы.

Я тоже не отвожу взгляда.

– Спасибо. Ты почти тоже.

На секунду между нами повисает тишина, слишком густая для шумного зала, но тут кто-то за спиной хлопает меня по плечу и спрашивает:

– Аля! Ты ведь наша красавица! Чем занимаешься теперь?

– У меня своя кофейня, – отвечаю я. – Небольшая сеть. Дела идут стабильно.

Кто-то удивленно ахает, кто-то начинает засыпать вопросами: «Сама открыла?», «Сколько у тебя точек?». Я улыбаюсь, отвечаю, но чувствую на себе взгляд. Тяжелый, внимательный. Тимур сидит чуть поодаль, но его глаза будто держат меня привязанной к стулу.

И тут один из одноклассников, уже с красным лицом от напитков, шутливо кидает:

– А правда, что твой муж – главный прокурор города?

Я замираю на миг, беру бокал и делаю маленький глоток.

– Да, – тихо подтверждаю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Вот это да! – удивляются за столом. – Повезло, Аля, такой муж...

Я только киваю, глядя куда-то в сторону, делая вид, что слушаю общий разговор. Но чувствую его. Взгляд напротив. Тот самый, от которого мне пятнадцать лет назад хотелось спрятаться и в то же время в котором хотелось – раствориться.

Шум растет. Кто-то поднимает бокал за учителей, кто-то зовет танцевать. Зал оживает, и все постепенно перетекают на танцпол, смеются и вспоминают старые песни.

Я же тихо встаю и выхожу на балкон.

Вечер теплый, августовский. Воздух пахнет ночными цветами и дымом. Я кладу руки на перила, смотрю вниз, где

мерцают огни улицы. В груди будто пустота – тяжелая, но необходимая.

Я делаю вдох, пытаюсь успокоиться.

И вдруг слышу шаги за спиной. Медленные, уверенные.

Я оборачиваюсь и вижу его – Тимура.

Он такой же высокий, как тогда, только волосы чуть светлее, а взгляд – глубже, взрослый. Но в нем все равно угадывается тот мальчишка, который когда-то писал мне записки на переменах и ждал у ворот школы.

Теперь в нем больше тяжести, опыта и какой-то мужской усталости.

– Помнишь выпускной? – вдруг спрашивает он. – Ты тоже тогда сбежала на балкон.

Я улыбаюсь, хотя в горле ком.

– Конечно. Только там я стояла одна.

– Не совсем, – он качает головой. – Я вышел за тобой через минуту. Но ты так серьезно смотрела на звезды, что я не решился сказать, что я рядом.

Я моргаю, вспоминая тот вечер, запах ночного воздуха, свои девичьи мечты.

– Забавно, – говорю я. – Я тогда думала, что никто меня не заметил.

Он улыбается чуть шире.

– Я заметил. Я всегда тебя замечал.

Сердце замирает, но я держу себя в руках. Я замужем. У меня семья. У меня совсем другая жизнь.

– Все это было так давно, Тимур, – мягко отвечаю я.

– Да. Но иногда кажется, что вчера.

Мы молчим. Только музыка и шум голосов пробиваются сквозь двери.

– Ты знала, что я приду на встречу выпускников? – он поворачивается ко мне, словно ловит каждое мое движение.

– Нет, а если бы знала... не пришла бы, – я смеюсь и встречаю его взгляд прямо, почти вызывающе.

Он улыбается уголками губ, но глаза не смеются.

– Ты все так же упрямая.

– Ага...

– Ты счастлива? – вдруг спрашивает он.

Я выдерживаю паузу и киваю.

– Да, конечно. А ты?

Он улыбается, будто облегченно.

– Тогда я рад за тебя. Я тоже счастлив.

Мы стоим рядом еще несколько секунд, и я понимаю: все закончилось там, на том выпускном, пятнадцать лет назад. А сейчас между нами просто светлая память, не больше, ведь тогда между Тимуром и Аланом я выбрала второго, и наши пути с Тимуром навсегда разошлись.

...К полуночи ресторан пустеет. Кто-то разъехался, кто-то пошел продолжать вечер в караоке, но основная часть компании вышла на улицу – на теплый августовский воздух. Они смеются, делятся воспоминаниями, переговариваются, слов-

но не прошло пятнадцати лет.

Адель стоит в стороне, оживленно болтает с одноклассницей, которую не видела вечность. Я улыбаюсь, слушая их смех, но внутри меня уже усталость и желание просто поехать домой. Вечер был слишком насыщенным, слишком эмоциональным.

Я достаю телефон и вызываю такси. Машина приедет через семь минут, поэтому я делаю шаг в сторону, чтобы не мешать другим.

И в этот момент рядом появляется Тимур. Он идет легко, руки засунуты в карманы брюк, а его взгляд по-прежнему спокоен и чуть ироничен.

– Как называется твоя кофейня? – спрашивает он негромко, словно между делом. – Зайду как-нибудь отведать кофе.

Я усмехаюсь, чувствуя, как неловкость уходит и уступает место шутке:

– Не боишься, что я подсыплю тебе соль вместо сиропа?

Тимур смеется, чуть склоняя голову:

– Главное, чтобы это не был яд.

Мы оба вспоминаем ту самую сцену, школьную шалость, когда я перепутала баночки и все одноклассники пили горько-соленый чай. На мгновение снова кажется, что мы те же самые – он и я, юные, беззаботные.

– «Аромат», – говорю я. – Так называется кофейня.

Он кивает, будто запоминает всерьез, и в этот миг я слышу позади себя шаги.

Я оборачиваюсь и замираю.

Алан.

Мой муж.

Он стоит всего в нескольких шагах. Черный костюм, тень напряжения на лице. Его глаза скользят от меня к Тимуру и обратно.

Я перестаю улыбаться, и все слова застревают в горле.

Я не ждала его. Не сегодня. Не здесь.

И уж точно не того, что он приедет за мной после встречи выпускников.

Алан приближается медленно, будто отмеряя шаги, и с каждым его движением вокруг становится тише. Я слышу только собственное сердцебиение и ночной гул города на заднем плане. Тимур все еще стоит рядом, но я ощущаю, что мир сжался до фигуры моего мужа.

Между нами троими повисает неловкая тишина. Слишком острая, слишком затянувшаяся – она достаточная, чтобы я почувствовала себя как на скамье подсудимых перед самым суровым допросом.

Глава 5

Алан подходит вплотную, берет мое лицо ладонью, чуть приподнимает подбородок и без слов целует. Долго, властно, с тем знакомым оттенком притязательности, от которого мне никогда не удавалось спрятаться. Поцелуй – не нежность, а отметка, клеймо перед чужими глазами. Он словно говорит всем вокруг: «Это моя женщина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.